

КНЯЗЬ ОЛЕГЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ.

Каждый из нас знает то наслаждение, которое ощущает человеческая душа, созерцающая духовную красоту. Мы любуемся прекрасным образом, созданным поэтом или иным художником, к нему влечет нас наше сердце, онъ дѣлается близкимъ, желаннымъ, роднымъ намъ. Но вотъ кончилось воспріятіе художественнаго прекраснаго произведенія, мы оглядываемся кругомъ себя и съ грустью должны сознаться, что прекрасное, такъ насъ очаровавшее, есть только призракъ, миражъ, произведенный волшебствомъ искусства. Мы ищемъ въ людской жизни такихъ же чудныхъ образовъ и почти никогда не находимъ. Не находимъ не только воплощѣ идеальныхъ образовъ, ибо они, по самому существу своему, не подчиняются воплощенію, но и такихъ, которые приближались бы къ нимъ въ высшей степени, насколько на землѣ возможно. И тогда многіе изъ насъ, разочаровавшись, говорятъ: „Только въ искусствѣ изображается такая красота, а въ жизни нѣтъ ея“, къ чему другіе еще прибавляютъ: „и быть не можетъ“. Но такое заключеніе не справедливо. Если мы не встрѣчаемъ между людьми чистыхъ идеаловъ, то лицъ, близкихъ къ идеальнымъ, все же встрѣтитъ возможно. И когда намъ покажутъ такого человѣка или докажутъ его реальное существованіе, душа получаетъ высокое удовольствіе: мечта воплощается, прекрасное является живымъ передъ нами, не въ поэзіи, не въ краскахъ на картинѣ, не созданное искусствомъ, а данное самой жизнью, среди суеты суетъ, во плоти и крови человеческой. Такое необыкновенное явленіе было на нашей Руси, чудный образъ былъ не изобрѣтеніемъ искусства, а живымъ человекомъ, и имя этому человѣку — Князь Олегъ Константиновичъ.

Вышла книга,¹⁾ состоящая почти вся изъ документовъ, — біографія Кн. Олега, — еще не полная, но уже ясно обрисовывающая свѣтлую лич-

¹⁾ Князь Олегъ. Петроградъ, 1915 г.

ность юноши, отъ созерцанія которой не хочется оторваться. Паль этотъ юноша жертвою нашей ужасной войны, но лучи его свѣтлой жизни не померкнутъ для насъ и будущихъ поколѣній, запечатлѣнные въ памяти знавшихъ его близкихъ лицъ, въ ихъ письменныхъ о немъ свидѣтельствахъ, а главное, въ его собственныхъ дневникахъ, письмахъ и сочиненіяхъ, отчасти помѣщенныхъ въ вышеупомянутой книгѣ.— Вглядимся, насколько возможно, въ его духовный обликъ, но прежде сдѣлаемъ краткій очеркъ внѣшней его жизни.

Князь Олегъ, родившійся 15 ноября 1892 года, былъ четвертый сынъ Великаго Князя Константина Константиновича и Супруги Его, Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны. Несмотря на тщательный, заботливый уходъ, онъ, по природѣ не отличаясь крѣпкимъ здоровьемъ, часто болѣлъ, причемъ особенно слабы были его легкія, неоднократно мучившія его воспаленіемъ въ теченіе всей его жизни. Первой няней его была старушка, вынянчившая и его Отца. Когда ему минуло два года, къ нему пригласили бонну, мюнхенскую уроженку, и другую русскую няню. Когда ему сравнялось 6 лѣтъ, начались его уроки, а въ 10 лѣтъ онъ былъ записанъ кадетомъ въ Полоцкій Корпусъ, но началъ учиться въ Александровскомъ Корпусѣ въ Петроградѣ. Однако постоянныя болѣзни мѣшали ему посѣщать корпусъ, и онъ по зимамъ проходилъ курсъ дома въ Петроградѣ въ Мраморномъ дворцѣ или въ Ливадіи, куда его увозили по болѣзни легкихъ. Экзамены онъ сдавалъ отлично и, по окончаніи курса корпуса, пожелалъ получить высшее гражданское юридическое образованіе въ Петроградскомъ Александровскомъ Лицеѣ, который, однако, по болѣзни, тоже не удавалось ему аккуратно посѣщать. Способный по природѣ, интересующійся науками, всегда занимающійся съ усердіемъ, онъ и курсъ Лицея окончилъ блестяще на двадцатомъ году жизни, будучи выпущенъ съ медалью имени Пушкина. Вскорѣ онъ былъ зачисленъ корнетомъ въ Лейбъ-Гвардіи Гусарскій полкъ, служба въ которомъ, пошелъ на войну, гдѣ и погибъ 29 сент. 1914 г. на 22-мъ году отъ рожденія.—Таковъ въ общемъ внѣшній ходъ его краткой жизни.

Внутренняя его жизнь съ ранняго дѣтства была направлена строго обдуманнѣмъ воспитаніемъ, даннымъ ему его Августѣйшими Родителями, которые имѣли цѣлью привить дѣтямъ все лучшее въ жизни: разносторонніе художественные вкусы, любовь къ наукѣ, ко всякому полезному труду, пріучить къ постоянной дѣятельности; но главною заботою было внушить глубокое религіозное чувство, любовь къ ближнимъ и къ родинѣ, стремленіе къ нравственному совершенствованію,

истинное благородство души, чистоту помысловъ и сердца. Результаты этого воспитанія успѣшно отразились на Кн. Олегѣ, мягкая, воспріимчивая натура котораго вполне подчинилась его вліянію.

Кн. Олегъ росъ въ исключительно благопріятныхъ семейныхъ условіяхъ. Большая великокняжеская семья была тѣсно связана узами любви и дружбы, простотою и откровенностью взаимныхъ отношеній. Въ дневникахъ Кн. Олега видимъ, что онъ глубоко и нѣжно любилъ своихъ Родителей, причемъ Отца ставилъ своимъ идеаломъ. Если онъ не съ Родителями, онъ не можетъ не дѣлиться съ Ними своими думами въ письмахъ: „Вотъ дожили мы и до Пасхи (пишетъ онъ тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ Отцу). Какія чудныя слова „Христось Воскресе“! Сколько тысячъ людей произнесутъ эти слова! Въ каждомъ углу Россіи существуютъ эти два слова. Ты, вѣрно, знаешь чувство, когда въ первый разъ запоютъ „Христось Воскресе“. „И вѣрится, и плачется, и такъ легко, легко“... Или мальчикъ утѣшаетъ своего Отца въ семейномъ горѣ и, послѣ кончины младенца—сестры своей, пишетъ Ему изъ Ливадіи: „Дорогой Пусь! Для нашей семьи случилось большое несчастіе... Но не надо отчаиваться: надо помнить, что наша дорогая Натуся у Господа... Въ этомъ, что она въ Царствѣ Небесномъ, мы находимъ большое утѣшеніе: „Таковыхъ бо есть Царствіе Божіе“.

Позже, уже юноша, въ день своего совершеннолѣтія, онъ Отцу пишетъ: „Я думалъ довольно много, думаю и, дай Богъ, всегда буду думать о томъ, какъ мнѣ лучше достигнуть своей цѣли—сдѣлать много добра Родинѣ, не запятнать своего имени и быть во всѣхъ отношеніяхъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть русскій Князь. Я стараюсь всѣми силами бороться со своими недостатками и ихъ въ себѣ подмѣчать. А это такъ трудно... Я увѣренъ, что ты меня поймешь“. Не менѣе задушевные его письма къ Матери. Напримѣръ, передъ окончаніемъ курса въ Лицеѣ онъ пишетъ Ей, что строить разнообразныя планы и не знаетъ, на какомъ остановиться: сдѣлаться-ли ему магистромъ и профессоромъ юридическихъ наукъ, или литераторомъ и для этого поступить на филологическій факультетъ. Пишетъ, что, хотя онъ „въ душѣ военный“, но его „мало прельщаетъ“ военная служба въ манежѣ и въ казармахъ; онъ готовъ обучать новобранцевъ, „узнавать психологію людей“, потому что онъ „немножко въ душѣ педагогъ“. И заканчиваетъ письмо просьбой посовѣтовать ему, что выбрать: „Мнѣ очень хочется работать и работать; но что дѣлать, какая работа—вотъ вопросы, которые меня часто волнуютъ. Отвѣтъ мнѣ, пожалуйста, что Ты обо всемъ этомъ думаешь.—Теперь мнѣ предстоитъ написать большое сочиненіе для Лицея. Трудно,

но весело.—Надѣюсь, что Тебя не удивитъ вся эта философія, и Тебѣ не скучно“.

Видя такимъ образомъ въ Родителяхъ всегда своихъ любимыхъ руководителей-друзей, безъ которыхъ онъ ни на что важное самъ не рѣшается, на судъ которыхъ отдаетъ свои мысли, Кн. Олегъ такъ же сердечно любитъ своихъ братьевъ и сестеръ, которые были его дорогими друзьями, особенно Кн. Игорь, ближайшій къ нему по годамъ.

Семья была тѣсно сплочена, и горести и радости у всѣхъ были общія. Жили просто, избѣгая ненужной роскоши. Кн. Олегъ подросткомъ получалъ на свои расходы 3 руб. въ мѣсяцъ: на марки, письма, на покупки мелкихъ его вещей взаменъ потерянныхъ или попорченныхъ, и на подарки близкимъ людямъ, которые были необходимымъ обычаемъ, особенно къ Рождеству. Кн. Олегъ больше всего заботился о подаркѣ Государю Императору, своему Крестному Отцу, поднося Ему на елку свой рисунокъ, за который принимался иногда за нѣсколько мѣсяцевъ. Жизнь дѣтей была вся распредѣлена съ точностью, и почти весь день посвященъ занятіямъ, начинаясь въ 6 $\frac{1}{2}$ час. утра, когда Великій Князь Отецъ приходилъ къ дѣтмъ читать Евангеліе. Съ 8 час. начинались занятія и продолжались до 8 час. веч. съ необходимыми перерывами для завтрака, обѣда, чая, верховой ѣзды или прогулки. Даже въ праздники были нѣкоторые уроки. Кромѣ необходимыхъ наукъ, дѣти занимались гимнастикой, музыкой и рисованіемъ. Казалось, совсѣмъ не оставалось времени для чтенія и самостоятельныхъ занятій, и надо удивляться, когда Кн. Олегъ успѣвалъ читать—а онъ любилъ читать русскихъ писателей и былъ въ нихъ начитанъ—когда успѣвалъ для себя играть на роялѣ, писать стихи и сочиненія въ прозѣ.

Всѣ воспитатели и преподаватели наукъ и искусствъ единогласно свидѣтельствуютъ какъ о любви его къ дѣлу, такъ и объ его необыкновенныхъ способностяхъ. Вотъ что, напр., пишетъ одинъ изъ его воспитателей, А. М. Максимовъ, въ періодъ, когда Кн. Олегу было 13 лѣтъ. „Упорство въ занятіяхъ приобрѣтало у Олега Константиновича все болѣе и болѣе опредѣленный характеръ. Всѣ уроки онъ готовилъ одинаково добросовѣстно, и это было въ духѣ его натуры: верхоглядства Князь не терпѣлъ и не допускалъ даже мысли явиться на урокъ не подготовленнымъ къ отличному отвѣту... Но всѣ симпатіи его уже явно переходятъ на родную литературу, и чтеніе становится его любимымъ времяпрепровожденіемъ, а Пушкинъ—любимымъ писателемъ. Обладая живымъ характеромъ и отличной памятью, Олегъ

Константиновичъ скоро постигъ искусство декламации, и чтеніе имъ стиховъ и даже прозы наизусть доставляло слушателямъ большое удовольствіе. Учебныя домашнія занятія каждый годъ завершались экзаменами—опросами въ присутствіи Родителей, которые принимали участіе въ постановкѣ ему балловъ. Кн. Олегъ любилъ эти опросы и требовалъ, чтобы его спрашивали побольше и чтобы баллъ не былъ выше его отвѣтовъ“. Выпускные послѣдніе кадетскіе экзамены Князь Олегъ держалъ въ Полоцкѣ, а лицейскіе, какъ переходные, такъ и выпускные—въ Лицее вмѣстѣ съ товарищами по курсу. Съ охотой занимаясь, Князь Олегъ съ любовью и сердечно относился къ своимъ преподавателямъ, воспитателямъ и товарищамъ. Ходившая за нимъ въ дѣтствѣ бонна, мюнхенская уроженка, жила потомъ въ родномъ своемъ городѣ. Князь Олегъ, будучи уже 17 лѣтъ, пріѣхавъ въ Мюнхенъ, пожелалъ навѣстить свою бывшую воспитательницу и пишетъ своей Матери, какъ онъ съ братомъ Кн. Игоремъ, несмотря на дождь, отыскалъ бонну у какихъ-то ея родственниковъ, гдѣ и произошла нѣжная встрѣча: воспитательница и бывший воспитанникъ бросились другъ другу въ объятія. „Я даже прослезился“, заканчиваетъ этотъ разсказъ Кн. Олегъ. Трогательны его отношенія къ нѣрѣдко мѣнявшимся воспитателямъ и, какъ онъ говорилъ, ему было неловко, когда онъ привязывался къ новому воспитателю, потому что казалось, будто онъ обижаетъ этимъ предшественника, который тоже пользовался его любовью. Особенно глубоко онъ былъ привязанъ къ послѣднему своему воспитателю, генералу Н. Н. Ермолинскому, съ которымъ у него образовались глубоко дружескія отношенія. Кн. Олегъ любилъ погостить въ его имѣніи, Домнихѣ, Тверской губ., гдѣ близко сошелся со всей его семьей; въ разлукѣ писалъ ему письма. Эти сердечныя отношенія особенно ярко выразились, когда воспитатель пріѣхалъ къ юношѣ, лежавшему уже на смертномъ одрѣ. „Наконецъ-то! Господи, какъ я радъ!“ говорилъ Кн. Олегъ: „Теперь ужъ никуда не отпускаю! Никуда!“ И потомъ почти постоянно держался рукою за любимаго человѣка, какъ бы ища у него поддержки въ своихъ невыносимыхъ страданіяхъ. Всѣ преподаватели и воспитатели въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ, приведенныхъ въ книгѣ „Кн. Олегъ“, единогласно свидѣтельствуютъ о его удивительно сердечныхъ къ нимъ отношеніяхъ.

Не менѣе сближался Кн. Олегъ и съ товарищами по ученью. При поступленіи въ Корпусъ, онъ старался поставить себя такъ, чтобы не выдѣляли его изъ товарищеской среды. „Какіе они всѣ милые мальчишки“,—сказалъ онъ при возвращеніи домой о кадетахъ. Онъ вникалъ въ ихъ успѣхи и, если слышалъ, что какой-нибудь кадетъ

на дурномъ счету, то говорилъ: „Ну, конечно, онъ исправится“; а узнавъ объ исключенномъ кадетѣ, жалѣлъ такого: „Можетъ быть, этотъ кадетъ и исправился бы еще. Жалко, жалко мальчика“. Еще болѣе сблизился онъ съ товарищами въ Лицеѣ, входя во всѣ общіе по наукамъ интересы и волнуясь съ ними и за нихъ на экзаменахъ. Лицейсты настолько считали его своимъ, что ему поручили послѣ экзамена сказать прощальную рѣчь любимому ихъ законоучителю. При такихъ его отношеніяхъ, понятно, что и наставники и товарищи платили ему любовью и сердечною привязанностію.

Въ 1908 году, со вступленіемъ въ должность воспитателя великокняжескихъ сыновей генерала Н. Н. Ермолинскаго, система ихъ воспитанія значительно измѣнилась. Прежде всего оставлено было больше времени для самостоятельныхъ ихъ занятій и чтенія. Были заведены литературно-музыкальные вечера и спектакли, и во всѣхъ этихъ развлеченіяхъ участвовалъ Кн. Олегъ, обнаруживая свои крупные таланты. Онъ самъ сознавалъ свою талантливость и еще мальчикомъ записалъ въ дневникѣ: „У меня талантъ къ музыкѣ, талантъ къ рисованію“. И преподаватели искусствъ отмѣчаютъ его талантливость и трудолюбіе. Преподаватель рисованія, А. Н. Юдинъ, говоритъ, что „онъ, какъ истый любитель прекраснаго, не хваталъ лишь верхушки и не чужими трудами пріобрѣталъ знанія и умѣнье, а доходилъ до всего самъ“. Объ успѣхахъ Кн. Олега въ этомъ искусствѣ свидѣлствуютъ снимки съ акварелей, имъ написанныхъ, помѣщенные при его вышеупомянутой біографіи. Что онъ былъ отличный музыкантъ, объ этомъ пишетъ занимавшійся съ нимъ музыкою Б. С. Захаровъ: „Князь Олегъ въ душѣ былъ большой музыкантъ... и меня поразило его прекрасное знаніе музыкальной литературы... Какъ глубоко художественная натура, онъ не позволялъ себѣ заниматься искусствомъ кое-какъ; онъ называлъ такое отношеніе кощунствомъ... Какъ часто Олегъ Константиновичъ говорилъ мнѣ: „Музыка лучшій врачъ. Когда я чувствую себя несчастнымъ, я сажусь за рояль и обо всемъ забываю“.

Еще болѣе любилъ Кн. Олегъ поэзію, и прежде всего Пушкина, котораго онъ не переставалъ перечитывать. Въ Лицеѣ онъ внимательно изучилъ Пушкинскій Музей, гдѣ собраны нѣкоторыя рукописи поэта-лицейста. Кн. Олегъ задался мыслию издать всѣ эти рукописи фототипіей и успѣлъ выпустить одинъ сборникъ, чрезвычайно тщательно имъ изданный. Къ Пушкину его влекло съ дѣтскихъ лѣтъ, и въ дневникѣ, будучи еще 13-ти лѣтнимъ мальчикомъ, онъ разъ записалъ, что ему „иногда приходятъ на умъ такія же мысли, какъ у Пушкина“.

Попадаются въ его дневникахъ замѣтки и о другихъ русскихъ поэтахъ, указывающія на его вдумчивое къ нимъ отношеніе. Его самого влекло къ поэтической работѣ, и онъ рано началъ писать стихи, побуждаемый къ тому и примѣромъ своего Отца—поэта. Вотъ что онъ, будучи 14 лѣтъ, пишетъ въ дневникѣ: „Вчера я первый разъ сказалъ за обѣдомъ Папа, что пишу стихи. На вопросъ, почему я не сказалъ ему этого раньше, я отвѣтилъ, что стѣсняюсь. Папа сказалъ, что стѣсняться не надо, и что поэты всегда до печатанія своихъ стиховъ совѣтовались съ кѣмъ-нибудь. Феть въ послѣдніе годы своей жизни совѣтовался съ Папа. Теперь я буду показывать Папа свои стихи“. Но у Кн. Олега еще не развились способности къ стихотворству, на что ему указалъ его преподаватель русскаго языка, Н. К. Кульманъ, найдя, что Князь гораздо лучше пишетъ прозой. Князь впоследствии и занялся повѣстями, каковы „Сцены изъ моей жизни“, рисующія очень близко жизнь автора, и повѣсть „Ковылинъ“, гдѣ изображенъ помѣщикъ, послѣ сдѣлавшійся священникомъ. Въ этихъ произведеніяхъ замѣчательны легкій, свободный слогъ, сердечность и чистота мыслей.

Несмотря на первыя неудачи въ стихотворствѣ, Князь не бросилъ писать стихи, и за свою краткую жизнь написалъ ихъ до 70. Свои затрудненія въ этихъ опытахъ онъ однажды выразилъ такъ:

И хочется писать, да нѣтъ умѣнья,
И хочется умѣть, да нѣтъ терпѣнья,
Сидишь, корпѣшь,—а нѣтъ и вдохновенья.

Нельзя сказать однако, чтобы между его стихотвореніями не попадались и очень недурныя, замѣчательныя по мыслямъ, въ нихъ вложеннымъ, какъ ниже увидимъ.

Въ число образовательныхъ средствъ при воспитаніи дѣтей В. К. Константина Константиновича были включены и путешествія. Кн. Олегъ посѣтилъ многія мѣста родины, Балканскій полуостровъ и нѣкоторыя мѣста Западной Европы. Эстетическій вкусъ, никогда его не покидавшій, сказался и во время путешествій въ письмахъ къ Родителямъ и въ дневникахъ. Вотъ что, напр., онъ пишетъ въ 1912 г. изъ Парижа о картинѣ-фрескѣ одного французскаго художника пейзажиста: „Меня поражаетъ голубовато-лиловый тонъ его фресокъ... Этотъ тонъ даетъ глубину, воздухъ и таинственный туманъ. Можно долго-долго смотрѣть и наслаждаться, уходя въ глубь такъ чудесно нарисованныхъ лѣсовъ... Искусство художника изумительно“. Въ дневникѣ онъ записываетъ свои впечатлѣнія отъ собора Notre Dame de Paris:

„Темно. Слышны тихіе шаги... Громадныя цвѣтныя стекла бросаютъ таинственный розовато-лиловый свѣтъ на старинныя плиты... Отчего-то этотъ соборъ производитъ такое впечатлѣніе: вступишь въ него веселымъ, а выходишь печальнымъ“. Красоты природы вмѣстѣ съ тѣмъ, что сдѣлано среди нея человѣкомъ, сильно дѣйствовали на чуткую натуру юноши. Полюбовавшись въ Бретани на скалу S-t Michel, возвышающуюся среди морскихъ волнъ, онъ пишетъ Отцу: „Старыя башни съ бойницами, старые переходы, подземелья, залы, колоннады, выточенные изъ цѣльнаго камня—красота!“ Далѣе онъ приписываетъ въ стихахъ:

Въ волнахъ бретонскихъ, дикихъ и мятежныхъ,
Средь гребней гордыхъ, бѣлоснѣжныхъ,
Гдѣздо старинное чернѣется вдали
Монаховъ рыцарей, защитниковъ земли....
Мнѣ снится храмъ, роскошное служенье,
Я слышу звонъ, торжественное пѣнье...

Проникнутый чувствомъ изящества, онъ возмущается противъ тѣхъ, у кого его не видитъ. Такъ онъ пишетъ въ дневникѣ о Германіи: „Германія—дурацкая страна“, у нѣмцевъ „ноль эстетики“, и называетъ нѣмцевъ „противными нѣмецкими солдатами“. Между тѣмъ по пріѣздѣ во Францію онъ отмѣчаетъ „замѣчательную черту французовъ: ихъ привѣтливость“. Они „радушны, веселы—не то, что нѣмцы“, они обладаютъ „массой вкуса“. Во Франціи и Испаніи Кн. Олегъ наслаждался красотами этихъ странъ, но, несмотря на это, его тянуло на дорогую ему родину. Любуясь Испаніей, онъ въ письмѣ говоритъ: „У меня тоска по родинѣ увеличивается съ каждымъ днемъ“. И онъ поспѣшилъ домой.

Подъѣзжая къ русской границѣ, Кн. Олегъ задумывается надъ особенностью русскаго человѣка, надъ его простою и доброю душою съ его достоинствами и недостатками, вглядывается въ самого себя и горячо изливаетъ свою любовь къ Россіи въ прекрасномъ стихотвореніи:

Въ моей душѣ есть чувства благородныя,
Порывы добрые, надежды и мечты,
Но есть въ ней также помыслы негодные,
Задатки пошлые, ничтожныя черты.
Но я ихъ затопчу. И съ силой обновленною
Пойду впередъ съ воскреснувшей душой,
И пользу принесу заботой вдохновенною
Моей отчизнѣ, милой и родной.

Глубоко прочувствованное стихотвореніе это совершенно гармонируетъ со всегдашнимъ его добрымъ отношеніемъ къ родному народу.

который онъ, при своей наблюдательности и вдумчивости, хорошо узналъ, когда великокняжеская Семья проводила лѣто не въ обычныхъ своихъ дворцахъ въ Павловскѣ и Стрѣльнѣхъ подь Петроградомъ, а въ подмосковномъ селѣ Осташевѣ или въ Прыскахъ Калужской губ., а также, когда онъ бывалъ въ Домнихѣ у Н. Н. Ермолинскаго. Въ дѣтствѣ онъ любилъ играть съ деревенскими ребятами, съ удовольствіемъ заходилъ въ деревенскія избы поговорить съ крестьянами, толкался между крестьянъ на ярмаркѣ. Передаютъ, какъ онъ спасъ отъ нищеты бѣднаго крестьянина, случайно узнавъ о его бѣдственномъ положеніи; какъ онъ накосилъ самъ сѣна бѣдной крестьянкѣ. Все это возбуждало сердечную любовь къ нему въ народѣ. Въ юности онъ задался обширными планами построить въ деревнѣ народный домъ съ библіотекой и читальней. Тамъ предполагались для крестьянъ лекціи по беллетристикѣ, по исторіи, естествовѣдѣнію, агрономіи, гигиенѣ, санитаріи и медицинѣ. Тамъ должны были быть чтенія духовно-нравственнаго содержанія. Однимъ словомъ, онъ мечталъ о такомъ учрежденіи, гдѣ бы рабочіе и крестьяне съ удовольствіемъ отдыхали отъ трудовъ и возрождались нравственно и умственно. Близкіе къ Кн. Олегу люди называютъ его „народолюбцемъ“. Онъ крѣпко любилъ родину, понималъ се и думалъ надъ своими обязанностями по отношенію къ ней. Возвращаясь изъ-за границы, онъ пишетъ въ дневникѣ: „Теперь я подѣзжаю къ милой Россіи, гдѣ хранится что-то такое, чего нѣтъ въ другихъ странахъ; гдѣ по лицу земли разсыпаны церкви и монастыри, гдѣ въ таинственномъ полумракѣ старинныхъ соборовъ лежатъ въ серебряныхъ ракахъ русскіе угодники, гдѣ строго и печально смотрятъ на молящихся темные лики святыхъ. Въ томъ краю сохранились еще и дремучіе лѣса, и необозримыя степи, и непроходимыя болота... Бываютъ минуты въ жизни, когда вдругъ страстнымъ и сильнымъ порывомъ поймешь, какъ любишь родину, какъ се цѣнишь... Въ эти мгновенія такъ хочется работать, дѣлать что-нибудь, помогать чѣмъ-нибудь своей родинѣ“.

При такой любви къ родинѣ, Кн. Олегъ готовился къ служенію ей, которому онъ желалъ посвятить себя съ малыхъ лѣтъ. Еще будучи мальчикомъ 13 лѣтъ, онъ записываетъ:

„Намъ надо учиться, готовиться, даже, можетъ быть, больше, чѣмъ нынѣшнимъ Князьямъ. Приходятъ трудныя времена... Къ труднымъ временамъ надо готовиться“... Чѣмъ далѣе, тѣмъ такія мысли у него становятся все серіознѣе: „Мнѣ надо работать, передо мною огромное поле, на которомъ много можно сдѣлать, и я хочу дѣлать, но надо

быть къ этому готовымъ. Боже! Какъ мнѣ хочется работать на благо Россіи!“ Послѣ своего совершеннолѣтія Кн. Олегъ пишетъ: „Прошло то время, когда можно было почивать на лаврахъ, ничего не знать, ничего не дѣлать намъ—Князьямъ. Мы должны высоко нести свой стягъ, должны оправдать въ глазахъ народа наше происхожденіе. Въ Россіи такъ дѣла много! Мнѣ вспоминается крестъ, который мнѣ подарили на совершеннолѣтіе. Да! Моя жизнь не удовольствіе, не развлеченіе, а крестъ!.. Въ примѣръ себѣ я ставлю Папа. Мнѣ хочется довести себя до такого нравственнаго совершенства, до какого дошелъ онъ“...

Мысль о нравственномъ самосовершенствованіи началась у Кн. Олега въ раннемъ дѣтствѣ и прежде всего выразилась въ самоанализѣ. Еще будучи десяти лѣтъ, онъ началъ дневничокъ, въ которомъ ставилъ только крестики и точки, отмѣчая первыми хорошіе свои поступки, а вторыми дурные. Потомъ явились дневники уже съ записями, которыя съ лѣтами дѣлались все подробнѣе и вдумчивѣе. Въ 1903 г. у мальчика такая запись: „Вспомнилъ, что 6 августа Преображеніе, и былъ очень радъ, что не будемъ учиться. Это было нехорошо, потому что надо всегда любить учиться“. Наблюдаетъ онъ за собою во всемъ; замѣтивъ, что долго возится съ утреннимъ вставаньемъ, онъ записываетъ: „Мнѣ надо отвыкнуть копаться“. Далѣе въ томъ же году болѣе полное наблюденіе надъ собою: „Я слишкомъ о себѣ высокаго мнѣнія. Гордымъ быть нехорошо. Я напишу тутъ, что я про себя думаю. Я умный, по душѣ хорошій мальчикъ, но слишкомъ о себѣ высокаго мнѣнія. У меня талантъ писать сочиненія, талантъ къ рисованію. Иногда я самъ себя обманываю и даже часто. Я иногда закрываю себѣ руками правду. Я нервный, вспыльчивый, самолюбивый, часто бываю дерзокъ отъ вспыльчивости. Я эгоистъ. Я сержусь иногда изъ-за совсѣмъ маленькаго пустяка. Хочется быть хорошимъ“. И дальше идутъ такія разсужденія, которыя могутъ принадлежать только самому незаурядному мальчику 12 лѣтъ: „У меня есть совѣсть. Она меня спасаетъ. Я долженъ ее любить, слушаться, а между тѣмъ я часто ее заглушаю. Можно заглушить совѣсть навѣки. Это очень легко. Но безъ совѣсти человѣкъ пропасть. Надо прислушиваться къ ней. Она иногда забываетъ человѣка, если онъ забываетъ ее. Но не надо забывать совѣсть. Она для человѣка вѣрная спутница... Когда не знаете, какъ поступить, спросите совѣсть. Кромѣ того, говорите всегда правду.... Если вы въ дѣтствѣ научитесь обманывать, то потомъ вы съ трудомъ отучитесь пли совсѣмъ не отучитесь. Для человѣка двѣ главныхъ вещи: совѣсть и правда. Если человѣкъ никогда

не будетъ обманывать, онъ счастливъ. Если человѣкъ всегда слушается совѣсти, онъ будетъ хорошимъ человѣкомъ“.

Главной идеей въ самосовершенствованіи у Кн. Олега было „быть хорошимъ человѣкомъ“. Какъ-то онъ встрѣтился съ генераломъ Шильдеромъ, который, на вопросъ, куда онъ готовитъ сына—не въ корпусъ ли?—отвѣчалъ: „я его готовлю въ хорошіе люди“. Эти слова запали глубоко въ душу мальчика, и однажды потомъ, когда братья спросили его, чѣмъ онъ хочетъ быть, онъ сказалъ: „Прежде всего я хочу быть хорошимъ человѣкомъ“. И всѣ силы души употреблялъ на приготовленіе себя въ „хорошіе люди“, постоянно вглядываясь въ свою душу и стараясь надъ собой работать. Такъ онъ записываетъ въ дневникъ: „Намъ, людямъ, не надо воображать, что мы очень умны. Я воображаю, что я гений. Я знаю миллионную часть того, что знаетъ все человѣчество. Если я буду думать, что я гений, то я могу сказать, что мнѣ не надо учиться. Нѣтъ. Я долженъ вдолбить себѣ въ голову, что я въ сравненіи со всѣмъ міромъ ничего не знаю. Но не надо забывать, что изъ песчинокъ выходятъ пустыни, что изъ капель выходятъ моря“... Такъ боится мальчикъ одного изъ опаснѣйшихъ враговъ души человѣческой—самоуверенія, и заботится о подготовленіи себя къ полезной дѣятельности. Какъ замѣчательно здѣсь широкое его міровоззрѣніе, гдѣ онъ считаетъ себя членомъ всего человѣчества, неразрывно съ нимъ связаннымъ, какъ песчинка съ пустыней, какъ капля съ моремъ!

При постоянномъ самоанализѣ мальчикъ мучился, замѣчая свои грѣхи и недостатки, но мученія эти онъ довѣрялъ только своему дневнику: „Я боялся вписать, пишетъ онъ въ дневникъ передъ исповѣдью: то, что меня беспокоило, но теперь надо сказать. Я не говорилъ на исповѣди одного грѣха. Это для меня теперь мученье. Я это скажу на исповѣди и грѣхъ скажу. Сейчасъ идемъ въ церковь.... Грѣхи мои: Обманывалъ. Дразнилъ. Былъ невѣжливъ со старшими. Дѣлалъ дурныя вещи, когда зналъ это. Дерзилъ. Передразнивалъ. Со служащими былъ невѣжливъ. Я непременно все скажу. Вспоминаю молитву Ефрема Сирина. Если бы люди исполняли эту молитву!... Развѣ я всегда добрый? Развѣ я всегда хорошій? Развѣ я не люблю поважничать?“

Такъ готовится этотъ мальчикъ къ исповѣди и думаетъ о грѣхахъ своихъ, потому что въ основѣ его міросозерцанія лежитъ религія. Въ своемъ дѣтскомъ дневникѣ онъ очень часто заноситъ выраженія изъ Св. Писанія, пишетъ стихотворенія въ религіозномъ духѣ, напр. „Молитва“,

заботится, чтобы „не лишиться Царствія Небеснаго“, любитъ храмы, любитъ молиться. Во дворцѣ подь праздники совершались всенощныя, во время которыхъ Кн. Олегъ выносилъ свѣчу, ставилъ аналой, читалъ шестопсалміе; это чтеніе было такъ незаурядно, что, прослушавъ его, генераль Кирѣевъ однажды сказалъ: „Я уже старый человѣкъ. Много я слышалъ церковныхъ чтецовъ, но никогда не слышалъ такого вдохновеннаго и проникновеннаго чтенія... Когда Кн. Олегъ начинаетъ читать, я не могу не молиться“. Замѣчательна запись въ дневникѣ, гдѣ мальчикъ встревоженъ отсутствіемъ молитвеннаго настроенія. Это случилось однажды во время болѣзни корью: „У меня непріятная вещь: я не могу молиться. Я вдумываюсь, и мнѣ очень трудно вдуматься. Я раздражаюсь и устаю. Когда я выздоровлю, можетъ быть это пройдетъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это такъ тяжело. Душа у меня во грѣхахъ. Я обдумалъ во время болѣзни. Иногда кажется, что не наслѣдуешь Царствія Божія. Я думаю объ этомъ. Молиться надо. Хорошо, что спохватился, а то было бы поздно.“ Такъ же проникнуть онъ религіознымъ настроеніемъ и въ юности. Въ его сочиненіи „Сцены изъ моей жизни“, которое есть собственно то же, что дневникъ въ художественной формѣ, описываетъ Кн. Олегъ свои чувства и думы при окончаніи Лицея. Вотъ онъ въ послѣдній разъ слышалъ молитву послѣ ученія и задумывается: „Время шло, обстоятельства измѣнялись, а молитва оставалась все та же, слова ея не измѣнились. И вотъ теперь, послѣ 13 лѣтъ ученья, мнѣ пришлось слушать ее въ послѣдній разъ. Странное, жуткое чувство! Послѣ этой молитвы какъ бы сразу распахнулась давно желанная дверь, ведущая насъ въ невѣдомую жизнь. Что впереди?... Каждый изъ насъ чувствуетъ себя потеряннымъ на этомъ новомъ пути жизни. А назадъ уже нельзя. Такъ дверь, которая насъ впустила, неслышно закрылась, и намъ останутся только воспоминанія о той счастливой порѣ, когда мы могли безопасно жить, зная, что о насъ подумаютъ другіе“. Блестяще выдержавъ послѣдній лицейскій экзаменъ, юноша спѣшитъ не прямо домой, но въ часовню Спасителя, поблагодарить Бога.: „Я всматривался съ умиленіемъ въ ликъ Спасителя, и чѣмъ дольше это дѣлалъ, тѣмъ свѣтлѣе становилось на душѣ... „Благодарю Тебя, благодарю“... шептали мои губы: „Господи, помоги мнѣ дальше итти по намѣченной дорогѣ, никогда меня не оставь. вразуми, помоги!“

Сердечная вѣра въ Бога и молитва—всегдашнее прибѣжище Кн. Олега. Въ Японскую войну ему шелъ 12-ый годъ. Когда начались наши неудачи въ Портъ-Артурѣ, вотъ что онъ записываетъ въ дневникъ: „Я заперся въ комнатѣ и сталъ просить Всевышняго о помощи

Портъ-Артуру. Потомъ я взялъ молитвенникъ... Розворачиваю—падаютъ молитвы на войну“. И мальчикъ пишетъ тутъ же свое молитвенное обращеніе: „Господи! воздвигни силу Твою и приди во еже спасти ны.“

Такъ молится русскій народъ.

И дай Ты намъ помощь,

Одушевленіе подай Ты войскамъ!

Онъ жилъ тогда главнымъ образомъ военными извѣстіями. Прочтя одно частное письмо съ описаніемъ военныхъ дѣйствій, тотчасъ откликается на него въ дневникъ: „Письмо такъ трогательно, что я хотѣлъ заплакать, но удержался. О, какъ я былъ глупъ тогда, когда былъ радъ войнѣ! Сколько осталось осиротѣлыхъ семействъ!... Если Господь пошлетъ меня на войну, я буду такъ радъ“. Когда была получена телеграмма о паденіи Портъ-Артура, мальчикъ горько зарыдалъ, долго не могъ успокоиться, повторяя: „Бѣдный, бѣдный Портъ-Артуръ!“ Много онъ размышлялъ объ этой потерѣ въ дневникъ: „До чего мы дожили! Стессель сдалъ Портъ-Артуръ. Не было возможности держаться... Много героевъ пало.... Кто во всемъ виноватъ? Русская халатность. Мы, русскіе, живемъ „на авось“. Когда же пройдетъ эта ужасная халатность? У насъ управляютъ не русскіе, а нѣмцы. А нѣмцамъ до насъ дѣла нѣтъ. И понятно: оттого-то русскіе вездѣ и проигрываютъ. Они съ малолѣтства не стараются воспитать себя. И выходятъ ненужные люди для отечества. Съ малолѣтства себя воспитывать надо.“ Конечно, къ такимъ разсужденіямъ мальчикъ пришелъ не путемъ опыта, а запомнивъ слышанное имъ отъ окружающихъ. Но важно, какъ именно такія глубокія мысли твердо имъ усваивались, что далеко не часто бываетъ съ дѣтьми его возраста. Но и прямо изъ души у него вырываются не менѣе серьезные вопросы. Послѣ убіенія В. К. Сергія Александровича, онъ записываетъ: „Когда же люди наконецъ не будутъ убивать другъ друга, а будутъ жить мирно, дружно? Только тогда, когда будутъ любить отчизну и другъ друга. О, если бы это было!“ горестно восклицаетъ онъ. Задается онъ и еще болѣе широкимъ вопросомъ о существованіи зла: „Можетъ ли быть, что зла не будетъ на свѣтѣ? Отчего Богъ не сдѣлалъ, чтобы мы, люди, были совѣмъ безгрѣшны? Отчего Онъ не истребитъ зло?“ Наконецъ онъ вдумывается въ вопросъ о цѣли жизни: „Иногда задаешь себѣ вопросъ: къ чему живетъ человѣкъ?“ и, полный вѣры, онъ разрѣшаетъ его отвѣтомъ, что человѣкъ живетъ для Царствія Небеснаго. Такими мучительными и глубокими думами занятъ былъ мальчикъ во время японской войны и тогдашнихъ

внутреннихъ безпорядковъ, страдая отъ неискоренимости на землѣ страшнаго и отвратительнаго для него зла.

Не въ его дѣятельной натурѣ было ограничиться одними разсужденіями, не переходя къ дѣлу. Мы уже знаемъ его принципъ— „готовиться на благо Россіи“. Такъ онъ и тогда сталъ готовиться, даже борясь со своею натурою. Послѣ японской войны онъ гостилъ въ селѣ Ильинскомъ у В. К. Елисаветы Θεодоровны, пріѣхавъ провести время съ В. К. Дмитріемъ Павловичемъ и В. К. Маріей Павловной, съ которыми былъ очень друженъ. Здѣсь, въ лазаретѣ, устроенномъ Великой Княгиней Елисаветой Θεодоровной, онъ пожелалъ помогать при лѣченіи раненыхъ: подавалъ лѣкарства, ставилъ термометры и наконецъ рѣшился участвовать при перевязкахъ, что стоило ему страшныхъ усилій. Въ его натурѣ раньше была боязнь крови настолько, что однажды при словѣ „кровь“ онъ упалъ въ обморокъ. Зная это, врачи не хотѣли пускать его на перевязки, но онъ отвѣчалъ: „Да вѣдь я военный. Ужъ чего-чего, а крови-то я не долженъ бояться“. И Кн. Олегъ пріучилъ себя и потомъ цѣлыми часами присутствовалъ при перевязкахъ. Такова была сила воли у этого слабенькаго, тщедушнаго мальчика, ставившаго выше всего свой долгъ передъ родиной.

Черезъ восемь лѣтъ послѣ этого онъ довершилъ этотъ великій долгъ своею страдальческою и славною кончиною, къ тяжелой повѣсти о которой мы теперь перейдемъ.

По окончаніи курса Лицея, Кн. Олегъ, по повелѣнію Государя, былъ зачисленъ въ Лейбъ-Гвардію Гусарскій полкъ и при объявленіи войны сразу ощутилъ особый подъемъ духа. Въ дневникѣ это время у него отразилось такими записями: „Мы, всѣ пять братьевъ, идемъ на войну со своими полками. Мнѣ это страшно нравится, такъ какъ это показываетъ, что въ трудную минуту Царская Семья держитъ себя на высотѣ положенія. Пишу и подчеркиваю это, вовсе не желая хвастаться. Мнѣ пріятно, мнѣ только радостно, что мы, Константиновичи, всѣ впятеромъ на войнѣ“. Далѣе онъ описываетъ 20 іюля въ Петроградѣ: „Улицы были запружены народомъ, который намъ кричалъ „ура“. Въ Николаевскомъ залѣ былъ молебень и прочитанъ манифестъ. „Ура“ стояло страшное. Я такъ кричалъ, что закашлялся. Во время молебна всѣ пѣли „Спаси, Господи“, а потомъ „Боже, Царя храни“. Когда Государь подъѣзжалъ ко дворцу, вся толпа стала на колѣни. Всѣ мы плакали отъ подъема чувствъ“.

23 іюля Кн. Олегъ выступилъ со своимъ полкомъ. Полкъ вступилъ съ Восточную Пруссію, и въ августъ Кн. Олегъ получилъ боевое крещеніе въ большомъ сраженіи подъ Каушеномъ. Въ виду его слабого здоровья онъ состоялъ при полковомъ штабѣ, и его не хотѣли пускать въ строй, куда онъ такъ рвался. На войнѣ онъ чувствовалъ себя бодрымъ: „Все у насъ отлично“, пишетъ онъ Н. Н. Ермолинскому: „всѣ здоровы. Я чувствую себя прекрасно. Я пишу дневникъ полка и нахожусь при штабѣ, гдѣ приходится много работать и бывать подъ огнемъ, но все же хотѣлось бы въ строй“.

Послѣднее письмо въ своей жизни Кн. Олегъ написалъ своему Отцу 11 сентября 1914 г. „Не знаю, какъ и благодарить Васъ, наши милые, за все, что Вы для насъ дѣлаете. Вы себѣ представить не можете, какая радость бываетъ у насъ, когда приходятъ сюда посылки съ теплыми вещами и съ разной ѣдой. Все моментально дѣлится, потому что каждому стыдно забрать болѣе, чѣмъ другому: офицеры трогательны. Къ сожалѣнію только многіе забываютъ, что насъ много.... Надо посылать много. У солдатъ нѣтъ папирозъ, табаку, на что они часто жалуются“. Потомъ Кн. Олегъ сообщаетъ о настроеніи войскъ и своемъ собственномъ: „Мы живемъ надеждой, что на нашемъ фронтѣ нѣмцы скоро побѣдутъ—тогда дѣло пойдетъ къ концу. Такъ хочется разбить ихъ въ пухъ и со спокойной совѣстью вернуться къ Вамъ. А иногда къ Вамъ очень тянетъ.“ При воспоминаніи о Родителяхъ, онъ рисуетъ себѣ картины, чѣмъ Они заняты, и передаетъ свои мечты взводному, который въ свою очередь дѣлится съ Княземъ своими надеждами. „Такіе разговоры съ солдатами бываютъ часто“, пишетъ онъ и прибавляетъ, что при воспоминаніи о Родителяхъ у него „на глазахъ навернулись слезы“. Такъ нѣжное сердце въ послѣдній разъ высказало его чувства къ Родителямъ.

Далѣе описываетъ онъ трудность походной жизни: „Были дни очень тяжелые. Мы шли ночь до утра напролетъ. Солдаты засыпали на ходу. Я нѣсколько разъ совсѣмъ валился на бокъ, но просыпался, къ счастью, всегда во время.... Маленькая подробность: я ходилъ въ одномъ и томъ же бѣльѣ 14 дней! Обозъ былъ далеко, и всѣ офицеры остались безъ бѣлья, безъ пицци, безъ ничего. Никогда въ жизни не было у насъ такого желанія ѣсть, какъ теперь.... Часто во время похода ложимся на землю, засыпаемъ минутъ на пять, и вдругъ команда: „Къ конямъ“! Ничего не понимаешь, вскарабкиваешься на несчастную лошадь, которая, можетъ быть, уже три дня не ѣла овса, и катишь дальше“.

Сообщаетъ Кн. Олегъ и о подмѣченномъ имъ подъемѣ религіознаго настроенія въ войскахъ: „Всѣ за это время сдѣлались гораздо набожнѣе, чѣмъ раньше. Къ обѣднѣ или ко всенощной ходятъ всѣ. Церковь полна“. И заканчиваетъ это письмо знаменательной просьбой, столѣ соответствующей его душѣ: „Молитесь за насъ! Да поможетъ Богъ нашимъ войскамъ поскорѣ одержать побѣду“.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого письма смерть отняла Князя Олега у любимыхъ Родителей.

Еще до войны, при окончаніи курса въ Лицеѣ, онъ такъ разсуждалъ о своей смерти: „Я стараюсь серіозно разобраться въ томъ, хотѣлъ ли бы я теперь умереть. Сознаніе подсказываетъ, что было бы глупо умереть, такъ много поработавъ надъ собой и въ концѣ концовъ ничего не сдѣлавъ. Нѣтъ! ни за что, ни за что не хочу умирать безъ славы, ничего не сдѣлавъ въ жизни. Не хочу умирать съ тѣмъ, чтобы меня позабыли“. И желаніе милаго юноши исполнилось: онъ умеръ славною смертью, и забыть его невозможно.

27 сентября Гусарскій полкъ наступалъ по направленію Владиславова. У деревни Шильвишки былъ замѣченъ нѣмецкій разъѣздъ, который, обстрѣлянный, бросился въ сторону. Тутъ Князь Олегъ сталъ настойчиво просить эскадроннаго командира позволить ему со взводомъ захватить нѣмцевъ. Командиръ долго не соглашался, но подъ конецъ уступилъ. Кн. Олегъ увлекся преслѣдованіемъ и на своей горячей лошади далеко вынесся впередъ: къ нему приблился съ земли раненный нѣмецъ, и Кн. Олегъ упалъ съ лошади, раненный въ сѣдалищныя части насквозь. Его подхватили, принесли въ ближайшій хуторъ, куда прискакали его братья.

Увидавъ брата Гавріила Константиновича, онъ прежде всего попросилъ: „Перекрести меня“, что и было исполнено. Приготовили телѣгу, положили на солому раненнаго и перевезли на станцію Шильвишки, гдѣ онъ пожелалъ приобщиться Св. Таинъ. Потомъ доставили въ вагонъ въ Вильну, гдѣ, чтобы не мучить, вынесли изъ вагона черезъ окно и перенесли въ госпиталь Краснаго Креста. Излѣдовавъ рану, врачи нашли зараженіе крови и признали положеніе безнадежнымъ. Больной страшно страдалъ. Но тутъ явилось ему утѣшеніе: Государь прислалъ телеграмму, что жалуетъ его Георгіевскимъ Крестомъ. Эта награда его глубоко тронула: „Я счастливъ, и такъ счастливъ!“ повторялъ онъ.

Однако положеніе ухудшалось, и смерть стояла передъ страдальцемъ. Онъ уже бредилъ и заговаривался. А между тѣмъ повѣздъ, въ которомъ ѣхали его Родители, опаздывалъ. Жизнь въ умирающемъ врачи поддерживали искусственно. Наконецъ Родители прибыли, Князь узналъ ихъ, и скоро начались предсмертные вздохи. Священникъ тихо читалъ отходную, Великій Князь Отецъ стоялъ на колѣняхъ у изголовья сына, Великая Княгиня Мать держала его холодющія руки. На груди умирающаго бѣлѣлъ Георгіевскій крестъ, символъ страданія и славы. Въ 8 часовъ вечера 29 сентября порвалась молодая жизнь, принесена была тяжелая жертва неистовому Молоху войны.

Тѣло юноши перевезено было въ любимое имъ Осташево и погребено на мѣстѣ, которое онъ самъ выбралъ при жизни для своей могилы, откуда открывается чудный видъ на красивые изгибы рѣки Рузы. При погребеніи мѣстный священникъ началъ было надгробное слово, но не могъ продолжать отъ подступавшихъ къ горлу рыданій. Рыдали всѣ присутствовавшіе. Такъ принять былъ землей прахъ юноши—героя, положившаго жизнь свою за други своя. Велико было горе его Семьи, его Августѣйшихъ Родственниковъ, всѣхъ его знавшихъ и любившихъ, горе всего нашего отечества, оплакивающаго безвременно погибшаго свѣтлаго юношу, необыкновенно хорошаго человѣка и истиннаго христіанина.

Мы здѣсь кратко изложили малую часть того, что нашли въ печати о Кн. Олегѣ. Хотѣлось дать хотя самый небольшой очеркъ его жизни и характера; хотѣлось сказать, что былъ на свѣтѣ юноша необыкновенный, чтобы не знающіе узнали, что бываютъ на землѣ свѣтлые посланники и избранники Провидѣнія. Князь Олегъ именно такой избранникъ. Едва научившись лепетать, онъ говоритъ о Богѣ, о Царствіи Небесномъ и стремится направить всю жизнь свою по пути къ этому Царствію.

Онъ именно истинный христіанинъ, отчего его образъ такъ свѣтелъ, такъ благороденъ. Но, возносясь духомъ къ небу, онъ въ то же время жилъ дѣятельною земною жизнью. Онъ и „не отъ міра сего“, онъ и неустанный и талантливый труженникъ въ мірѣ семъ. Вглядываясь въ земную жизнь, онъ пишетъ въ дневникѣ: „вся суета суеть“, но онъ тамъ же пишетъ, что надо готовиться для службы родинѣ. Князь Олегъ былъ близокъ къ идеалу, былъ свѣтильникомъ, поставленнымъ высоко, чтобы всѣ видѣли его и загорались его свѣтомъ, чтобы смотрѣли дѣти на это чистое дитя, смотрѣли юноши на этого свѣтлаго юношу,

заражались отъ него, подражали ему и видѣли, что должно и можно быть такимъ, какимъ былъ юный Князь. Онъ строго охранялъ свою совѣсть и слѣдилъ за всѣми дѣлами своими и помыслами, онъ боялся гордости и самомнѣнія, работалъ надъ собою и готовилъ себя „быть хорошимъ человѣкомъ“. Онъ стыдился обидить кого-нибудь, былъ чисто-сердеченъ, откровененъ, боялся лжи и обмана. Онъ съ сердечною любовію относился и къ роднымъ, близкимъ, и къ постороннимъ, ко всѣмъ его окружающимъ и къ простому народу. Онъ увлекался высшими интересами, наукой и искусствомъ, трудился съ удивительнымъ усердіемъ, развивалъ свои разнообразные таланты и при тяжелой работѣ говорилъ: „Трудно, но весело“. И все это дѣлалъ не для тщеславія, а готовя себя на пользу родины, которую любилъ всей душой; и при этомъ не былъ сухимъ, холоднымъ педантомъ, а былъ веселымъ, жизнерадостнымъ, общительнымъ, свѣтлымъ и для всѣхъ милымъ и привлекательнымъ.

Краткая жизнь Князя Олега не только послужила Россіи тѣмъ, что онъ отдалъ со страданіемъ и славою ее за родину, но стала и путеводною звѣздою, ведущею дорогихъ ему русскихъ людей ко благу и процвѣтанію возлюбленнаго отечества.

Л. Бѣльскій.

